

Долгих Аркадий Наумович

О ТЕРМИНАХ "САМОДЕРЖАВИЕ", "АБСОЛЮТИЗМ" И "ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ" И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В настоящей статье рассматриваются несколько основополагающих понятий, связанных с политической сферой общества, используемых в современной исторической науке ("абсолютизм", "самодержавие" и "просвещенный абсолютизм"); указывается на отсутствие единого понимания их составляющих и общего смысла в отечественной и зарубежной историографии и на основании анализа их содержания предлагается авторская оценка возможности использования их для различных периодов истории России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 93-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Об участии комсомольских организаций в выполнении постановления июньского пленума ЦК КПСС «О работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве»: Постановление ЦК ВЛКСМ от 18 июля 1959 г. // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь 1958 г. – январь 1960 г.). М.: Молодая гвардия, 1960. С. 447-461.
10. Слезин А. А. В борьбе за нового человека. Комсомол 1920-х годов как институт политической социализации. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 1998. 248 с.
11. Слезин А. А. «Легкая кавалерия» комсомола в системе политического контроля // Вопросы истории. 2001. № 11-12. С. 131-136.
12. Слезин А. А. Первые шаги «легкой кавалерии» // История в событиях и лицах. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. С. 26-32.
13. Слезин А. А. Чистки госаппарата в конце 1920-х гг.: роль «легкой кавалерии» // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: материалы регион. конф. по ист. демографии и ист. географии. Воронеж, 2000. С. 168-170.
14. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946-1991. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с.
15. Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Совету Министров Союза ССР от комсомольцев и комсомолок, юношей и девушек Советского Союза // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь 1958 г. – январь 1960 г.). М.: Молодая гвардия, 1960. С. 27-41.

**KOMSOMOL “LIGHT CAVALRY”:
ATTEMPTS OF REGENERATION IN THE SECOND HALF OF THE 1950S**

Dobrosotskii Nikolai Ivanovich
Tambov State Technical University
dob-666@yandex.ru

The paper denies the dominant opinion in historical science that the communist youth movement of “light cavalry” manifested itself only at the end of the 1920s – in the 1930s. After analyzing documents of the Central Committee of Komsomol of the second half of the 1950s, the author by particular examples shows efforts of the Komsomol authorities aimed at regeneration of detachments and raid brigades of “light cavalry”, tries to identify causes of their low efficiency.

Key words and phrases: youth movement; Komsomol “light cavalry”; Komsomol superior bodies; detachments; raid brigades.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В настоящей статье рассматриваются несколько основополагающих понятий, связанных с политической сферой общества, используемых в современной исторической науке («абсолютизм», «самодержавие» и «просвещенный абсолютизм»); указывается на отсутствие единого понимания их составляющих и общего смысла в отечественной и зарубежной историографии и на основании анализа их содержания предлагается авторская оценка возможности использования их для различных периодов истории России.

Ключевые слова и фразы: абсолютизм; самодержавие; Просвещение; просвещенный абсолютизм; монархия.

Долгих Аркадий Наумович, д.и.н., доцент

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
Adonli@mail.ru

**О ТЕРМИНАХ «САМОДЕРЖАВИЕ», «АБСОЛЮТИЗМ»
И «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Развитие исторической науки в последние десятилетия поставило перед исследователями некоторые новые задачи, связанные в том числе с изучением проблем внутренней политики и общественного движения, например, в истории России. Эти задачи часто бывает трудно или даже невозможно решить без того, чтобы прийти к единому мнению об использовании той или иной трактовки терминологии, а также договориться о том, какой смысл мы вкладываем в то или иное понятие. В этом отношении стоит сказать и о некоторых стереотипах мышления. Они, что очевидно, бывают разными, от некоторых из них нужно избавляться, но другие помогают держать исследование в некоторых рамках (всякого рода алгоритмы в разных науках). Не все из них, от которых сегодня отказываются историки, связаны с тем, что они «не работают». Иногда современные исследователи хотят быть «большими католиками, чем сам римский папа». Особенно часто это проявляется в отношении терминологии, связанной, так или иначе, с работами классиков марксизма. Стремление всячески

отстраниться от связи с этими «крамольными» деятелями прошлого заставляет исследователей придумывать новую терминологию. При этом многие из них не учитывают, что и К. Маркс, и Ф. Энгельс были выдающимися исследователями, а вводимые ими термины не всегда были новыми, и их трактовка «классиками» вытекала в ряде случаев и из их собственных исторических исследований. Среди них есть ряд терминов, в отношении которых нет, в нашем представлении, внятного мнения в историографии. В особенности это касается применения их к истории России XVIII-XIX вв. Назовем в их числе взаимосвязанные между собою понятия «абсолютизм», «самодержавие», «просвещенный абсолютизм». При этом мы, например, не касаемся здесь споров по вопросу о соотношении понятий «Просвещение» и «просветительство», в особенности в отношении использования их применительно к России [1, с. 6-7; 14, с. 6-38; 15, с. 257-259].

Не вдаваясь в глубокое изучение проблемы того, кто первый употребил понятие «абсолютизм» и дал ему оценку, отметим, что в свое время К. Маркс указывал, что «современная историография показала, что абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой». Ф. Энгельс полагал, что «государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов... и... по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом». Но «в виде исключения встречались, однако, «периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, когда государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними», например, абсолютная монархия XVII и XVIII вв., которая «держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга», выступая в определенном смысле в качестве «компромисса». При этом «на долю дворянства, отстраненного от политических дел, выпадает грабеж крестьян... казны и косвенное политическое влияние через двор, армию, церковь и высшую администрацию; на долю буржуазии – покровительственные пошлины, монополии и относительно упорядоченное управление и судопроизводство». Он рассматривал абсолютизм, «скорее как сословную монархию, все еще феодальную, но разлагающуюся феодальную и в зародыше буржуазную», как «цивилизующий центр, как объединяющее начало общества» [3, с. 71; 4, с. 306; 9, с. 30; 10, с. 431-432; 24, с. 171-172].

В. И. Ленин писал применительно к истории России о том, что «самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа». По его мнению, речь не может идти о прямой зависимости политики абсолютных монархов от интересов господствующих классов, так как «самодержавие удовлетворяет лишь “известные” их интересы», «держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансирующим между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу». Ясно, что термин «самодержавие» не раз употреблялся Лениным как синоним понятия «абсолютизм». Ряд историков тоже приравнивали эти понятия. Так, В. Ю. Захаров, сближая «самодержавие» и «абсолютизм» с термином «неограниченная монархия», полагал, что первые два должны быть и одинаковы по значению (если $a = b$, $a = c$, то и $a = c$), считая, что и «самодержавие», и «абсолютизм» в России установились во второй половине XVII – начале XVIII в., но в данном случае простое алгебраическое действие не работает. Кстати, сам автор обращает на это внимание, указывая и на иную социальную базу российского самодержавия в сравнении с Европой (дворянство), и на преимущественно «неправовые» средства достижения целей со стороны власти, и на внешнеполитический фактор его возникновения и роль крепостного права (в обмен на которое и его сохранение и защиту дворянство отказалось от политических прав или «претензий на прямое участие в делах управления государством» – тезис достаточно спорный). Очевидно, что Ленин писал преимущественно о времени пореформенном, не вдаваясь в глубокие исторические изыскания. С нашей точки зрения, самодержавие – это несколько иное понятие (чем европейский абсолютизм), которое означает и подчеркивает усиление единоличной власти монарха на Руси примерно с Ивана III (окончательно оформившись при Иване Грозном в опричнину) и характеризуется еще рядом других параметров, связанных с взаимоотношениями народа и власти в России. Абсолютизм же – понятие, относящееся к политической надстройке позднего феодализма, прежде всего, европейского.

Полагаем, что началом «самодержавия» на Руси стала вторая половина XV в. (причем оно существовало и в рамках т.н. «сословно-представительной монархии») – использование этой западно-европейской терминологии применительно к России второй половины XVI – первой половине XVII в. выглядит определенным преувеличением и модернизацией, так как толком и сословий не было, и органы типа Земских соборов никак не ограничивали монархическую власть, а только помогали ей осуществлять свои функции, да и то только тогда, когда она к ним обращалась, а случай Смуты слишком специфичен, чтоб на этом основании делать столь существенные выводы об ограничении самодержавия в тот период или сразу после него), а «абсолютизм» (в своей несколько своеобразной форме, дополнившей черты прежнего «самодержавия») оформился окончательно уже при Петре I, но время их падения примерно совпало – начало XX в. (здесь не так уж принципиально – после Манифеста 17 октября 1905 г. или после Февральской революции 1917 г.). Вспомним опять же ленинское высказывание о том, что «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями,

с отдельными периодами “просвещенного абсолютизма”, и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное “сверху” освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму...» [5, с. 346; 6, с. 155; 7, с. 363; 15, с. 8; 16, с. 14-16].

Итак, абсолютизм являлся диктатурой феодального класса (или сословия), хотя в дореволюционной литературе отмечался его надклассовый характер, а в советской историографии существовала и точка зрения о том, что он являлся формой буржуазной власти, но это положение выглядит явным преувеличением. Итак, в нашем понимании абсолютизмом можно назвать неограниченную монархию эпохи позднего феодализма европейского типа, которая, представляя собой политическую форму диктатуры господствующего класса (сословия), приобретает максимум самостоятельности по отношению ко всем классам (сословиям). В этом отношении в определенном смысле эту форму можно рассматривать как вид государственной системы, когда господствующая формация (скажем по-старому!) изживает себя, и на этой последней стадии господствующий класс стремится сплотиться вокруг государственной власти хотя бы ценой потери прав отдельных его представителей, и диктатурой государства господствующая формация продлевает свои дни. Стоит здесь привести и ряд признаков абсолютизма или его вещественных атрибутов. При этом для Европы, в целом, можно выделить следующие: формально неограниченная власть монарха; наличие в том или ином виде фактора «равновесия» между дворянством и буржуазией; бюрократизация и строгая централизация государственного управления; наличие регулярной армии и карательных органов; упорядоченное финансовое дело; подчинение церкви государству в разных формах; ликвидация или полный упадок сословно-представительных учреждений, ликвидация самоуправления даже для представителей господствующих классов (сословий); наличие идеологического обеспечения; рассмотрение абсолютизма как полицейского государства, стремившегося контролировать различные стороны общественной и личной жизни людей; фаворитизм при слабых носителях власти; меры в поддержку дворянства в сфере экономики и наряду с ними политика меркантилизма и протекционизма. Применительно к России набор признаков видоизменяется, включая в себя следующие признаки: позднее возникновение абсолютизма – примерно с середины XVII до первой четверти XVIII в.; слабость буржуазии, так и не выступившей как фактор равновесия, по крайней мере, до начала XX в.; дворянство как основная опора абсолютизма; засилье военщины; наличие значительного фонда государственных земель и огромная (в силу этого) степень относительной независимости самодержавия (абсолютизма) от своей классовой опоры; наличие крепостного права; многонациональность государства и др. [21, стб. 46-49].

Мы негативно относимся к попыткам приукрашивания российского абсолютизма, которые на почве «борьбы с большевизмом» стали типичным явлением в современной историографии. Даже такой выдающийся историк как Б. Н. Миронов не избежал подобной идеализации, всячески пытаясь показать ограниченность прав монарха (скажем, в XIX в.) на использование в своих интересах и казны, и законов, приводя в пример известное высказывание императора Александра I о том, что он сам блюдет законы и не может их нарушать. Эти и подобные примеры можно продолжать, но в ответ привести можно и примеры обратные, в том числе слова того же монарха в связи с конфликтом с Сенатом в 1802 г. в смысле «я так хочу, я самодержавный монарх». Вообще говоря, подобная система доказательств («так, например») говорит лишь о степени научной добросовестности исследователя, который, увлекаясь доказательствами цивилизованности монархии в России, приводит одни факты и примеры, не приводя других, противоположных по смыслу. Также не может быть аргументом заявление историка о том, что все революционеры и демократы и их с ними врали и фальсифицировали картины «царского и чиновничьего произвола», приводя в своих исследованиях один-два примера выдумки, которыми, действительно, пестрили пореформенная оппозиционная пресса и литература (а также либеральная и эсеровская и др. пресса и литература времен революций). Действительно, врать нехорошо, но тут и без вранья всего хватало – поле примеров подобного рода просто необозримо: вспомним только «Мертвые души» и «Ревизор» Н. В. Гоголя или «Современную идиллию» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вообще же периодизация развития российской монархии, по Б. Н. Миронову, выглядит так: «в XVII в. в России существовала народная, или патриархальная, монархия, в первой четверти XVIII в. – абсолютизм; во второй половине XVIII в. сложилась сословная патерналистская монархия, которая во второй четверти XIX в. переросла в бюрократическую правомерную монархию...» [11, с. 175].

П. В. Акульшин под «абсолютизмом» понимал «такой этап в развитии государственности, когда традиционный тип власти постепенно трансформируется в рациональный». Это изменение проявляется в процессе бюрократизации управления, которое представляет собой отказ от прежних патриархальных традиций. На смену авторитета власти, освященного традицией и религиозными нормами, приходила «рационально организованная система, опирающаяся на общие правила и нормы», установленные «с известной разумной целью. Носителями ее выступали профессионалы управленцы». В то же время, по мнению немецкого мыслителя XX в. Н. Элиаса, российский вариант абсолютизма на протяжении XVIII в. представлял собой типичный пример преобладания придворной сферы над бюрократией в управлении государством. Не служебная карьера, а система фаворитизма выдвинула наиболее блестящие фигуры государственных деятелей того времени, а бюрократические структуры были только дополнением к личности правителя и его двора. То есть, это было, по его терминологии, «придворное общество» [2, с. 12; 23, с. 9]. С нашей точки зрения, эти дополнения к характеристике абсолютизма, предлагаемые в литературе к данной дефиниции, не меняют ее сути. Сам же термин вполне корректен, освящен традицией, хотя существуют и некоторые особенности его применения и наполнения смыслом в разных европейских странах, прежде всего, в России.

Иная картина связана с термином «просвещенный абсолютизм», представляющим из себя, с нашей точки зрения, некую мифологию. Это то, о чем все знают, но что включать в него, толком не знает никто. Обычно под «просвещенным абсолютизмом» понимается «особая политика ряда европейских абсолютистских государств 1740-х – 1780-х гг., внешне получившая форму следования идеям Просвещения и выражавшаяся в проведении реформ, уничтоживших некоторые устаревшие феодальные институты, а иногда делавших шаги в сторону буржуазного развития». Речь здесь может идти об уничтожении «некоторых сословных привилегий и феодальных монополий», реформ, связанных с ограничением роли церкви в обществе, смягчении цензуры. При этом среди реформ «просвещенного абсолютизма» в европейских странах (Пруссии, Австрии, Дании) важное место занимали крестьянские реформы. В отношении российского варианта «просвещенного абсолютизма» историки, в основном, используют этот термин применительно к последнему десятилетию правления Елизаветы Петровны, ко времени Петра III, ко времени Екатерины II, Александра I и даже к отдельным явлениям царствования Николая I. Эта разногласия восходит во многом к неопределенным оценкам времени его существования в России, данных Лениным, говорившим применительно к XVIII в. об «отдельных периодах “просвещенного абсолютизма”», пусть и без всякого уточнения, но, по его логике, их было несколько: скорее всего, речь здесь могла идти о петровской и екатерининской эпохах (этой позиции придерживаются авторы издания «Русская мысль в век Просвещения» и Н. П. Ерошкин, отмечавший, правда, и некоторую разницу между этими двух периодами, причем екатерининский он завершает серединой 1770-х гг.); вряд ли можно здесь приводить в пример отдельные периоды внутри царствования Екатерины II, скажем, до Пугачева и после него, либо время Елизаветы и Екатерины, а значит, Ленин видел в этом явлении лишь активную политику государства в отношении просвещения, образования и наук, так как к петровской эпохе вряд ли приложимы критерии философии и фразеологии Просвещения (которое как явление сложилось позднее).

Расплывчатыми выглядят критерии выделения политики «просвещенного абсолютизма» даже для европейских стран, а применительно к России непроясненными представляются и его хронологические рамки, даже и само присутствие его элементов оспаривается рядом историков. Видимо, можно говорить (если уж говорить вообще) о подобной политике лишь тогда, когда правители страны, проводя те или иные преобразования, мотивировали их, используя элементы просветительской фразеологии (Вольтера, Руссо и др.), а также при проведении реформ в отношении крепостных, чего в России реально не было даже при Екатерине II. Как указывал В. А. Писемский, основной идеей политики «просвещенного абсолютизма» в сфере крестьянского вопроса в России «было не освобождение крестьян, а лишь законодательное регулирование их отношений к помещикам». И. А. Федосов и Е. В. Долгих полагали, что и начало правления Александра «можно связать с политикой “просвещенного абсолютизма”», с чем согласны и мы. «Для отступления от ее принципов не существовало серьезных внутренних причин: никаких изменений в расстановке социальных сил не произошло, консервативная часть дворянства сплотилась вокруг самодержавия; все это давало возможность противопоставить революционным идеям подновленные принципы просвещения», и «если революция во Франции служила олицетворением “тирании народа”, то Павел надолго стал символом “тирании монарха”, а сам Александр I всерьез пытался найти противоядие тому, что страна может оказаться игрушкой в руках безумцев». Большинство представителей тогдашней элиты России полагали, «что само наличие законов, при доброй воле монарха и установившейся традиции, – необходимое и достаточное условие для предотвращения вырождения монархии в деспотию. Это – модель “просвещенного абсолютизма”... Однако, александровское время – это Просвещение уже в последнюю эпоху своего существования...». О. А. Омельченко и В. И. Моряков выделяли этапы политики «просвещенного абсолютизма» в России: 1754-1762 гг. – формирование; 1762-1796 гг. – расцвет; 1797-1801 гг. – этап деформации его принципов и политики; 1801 – 1810-е гг. – его перерождение в сторону «правительственного конституционализма».

М. Раев применительно к эпохе начала XIX в. предложил термин «просвещенный, бюрократический абсолютизм», понимая под этим создание милитаризованной монархии во главе с императором и указывая, что «лишь абсолютная власть выдающегося просвещенного самодержца могла осуществить необходимые реформы перед лицом пассивного или даже недружелюбно настроенного народа». По мнению Х. Рэгсдейла, «просвещенным абсолютизмом» можно назвать «сочетание лучших черт “правового”, “сословного” и “полицейского” государств» с акцентом «на социальную справедливость и общественное благосостояние, которые к тому же способствуют величию и мощи государства». При этом, «три русских монарха... олицетворяют... разные элементы данного нами определения. Стиль Екатерины служил примером показных действий, в том числе и в области экономической. Павла тревожило чувство долга, он был занят поисками равновесия, но главным образом постоянства. Александр представлял собою некоего общественного деятеля в императорском обличье, мотивы действий которого утопичны». Рэгсдейл считал, что «нет ничего парадоксального... в том, что прогрессивные реформы и самодержавная власть обнаруживали тесную связь... Дело в том, что в большинстве европейских стран, особенно в Восточной Европе, прогрессивные мероприятия, которые в следующем столетии получат название либеральных, без воздействия абсолютной власти были бы немислимы. Однако большей части режимов, считавшихся абсолютистскими, как раз и недоставало власти, необходимой для осуществления реформ» [3, с. 73, 98; 12, с. 49; 13, с. 214; 17, с. 11-12; 18, с. 42-43; 19, с. 4-5; 20, с. 3-4; 22, стб. 635-636].

Подводя итог, отметим, что не от всех терминов, характерных для историографии советского периода, нужно сегодня отказываться. Правильнее основную их часть сохранить, но указывать особенность применения к истории России того или иного периода. Мы коснулись лишь некоторых сторон проблемы преимущественно в постановочном плане, не считая спора о данных терминах и их смысловом наполнении законченным.

Список литературы

1. Акульшин П. В. П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 238 с.
2. Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2004. 41 с.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд-е. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
4. Захаров В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/> (дата обращения: 31.12.2016).
5. Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 17. С. 329-353.
6. Ленин В. И. Новая глава всемирной истории // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 22. С. 155-156.
7. Ленин В. И. Письмо Северному союзу РСДРП // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 6. С. 360-370.
8. Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39-ти т. Изд-е 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 291-321.
9. Маркс К. Прусская конституция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39-ти т. Изд-е 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 30-38.
10. Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39-ти т. Изд-е 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 10. С. 423-480.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
12. Моряков В. И. Изучение русского просветительства XVIII – начала XIX в. в советской историографии // История СССР. 1986. № 2. С. 42-55.
13. Моряков В. И. Рецензия на книгу О. А. Омельченко «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России (М.: Юрист, 1993) // Отечественная история. 1995. № 2. С. 210-214.
14. Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. М.: Издательство Московского университета, 1994. 216 с.
15. Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2005. 640 с.
16. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия: в 3-х т. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 1. 688 с.
17. Очерки русской культуры XIX в.: в 6-ти т. М.: Издательство Московского университета, 2000. Т. 2. 479 с.
18. Писемский В. А. Отмена крепостного права в России. На дальних подступах к реформе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1995. № 5. С. 40-51.
19. Русская мысль в век Просвещения / Н. Ф. Уткина, В. М. Ничик, П. С. Шкуринов и др. М.: Наука, 1991. 280 с.
20. Рэгсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762-1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 3-25.
21. Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1961. Т. 1. 1024 стб.
22. Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 11. 1023 стб.
23. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
24. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39-ти т. Изд-е 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21. С. 23-178.

**ON THE TERMS “AUTOCRACY”, “ABSOLUTISM” AND “EDUCATED ABSOLUTISM”
AND THEIR USE IN MODERN HISTORICAL SCIENCE**

Dolgikh Arkadii Naumovich, Doctor in History, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky
Adonli@mail.ru

The article examines some basic conceptions of the modern historical science associated with the society's political sphere (“absolutism”, “autocracy” and “educated absolutism”); the paper identifies absence of unified interpretation of their components and general meaning in the domestic and foreign historiography. Relying on the content analysis the author evaluates adequacy of their usage when studying different periods of the Russian history.

Key words and phrases: absolutism; autocracy; Enlightenment; educated absolutism; monarchy.